

Нюта Царева
Анна Бигси

СПОР НА НЕДОТРОГУ
Не на ту нарвався

Нюта Царёва

Спор на недотрогу.

Не на ту нарвался

<https://litres.ru/74238337>

Аннотация

Артем Туземский — наглый, циничный мажор, от скуки поспоривший на безликую моль и недотрогу Сашу. Соблазнить девчонку до Нового года? Легко!

Но что-то пошло не так. Глобально...

Саша оказалась далеко не молью, а ее план не менее интересным.

Теперь в опасности все. Его репутация. И... сердце тоже. Хотя нет, подождите, о каком сердце речь? Сначала репутация.

Сможет ли циничный мажор отыгаться, когда ставка в споре уже не девушка, а он сам? Или признать поражение и рискнуть тем самым сердцем, о существовании которого он даже не подозревал?

Книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный Новый год"

Содержание

Глава 1. Артем	4
Глава 2. Александра	10
Глава 3. Артем	17
Глава 4. Александра	23
Глава 5. Артем	29
Глава 6. Александра	35
Глава 7. Артем	41
Глава 8. Александра	46
Глава 9. Артем	51
Глава 10. Александра	58
Глава 11. Артем	64
Глава 12. Александра	69
Глава 13. Артем	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1. Артем

Кафе возле института шумит ровно настолько, чтобы не бесить, но и не давать заснуть. Мы сидим за длинным столом вчетвером, растянувшись как короли местной столовки.

— Девчонки, как всегда, опаздывают, — бурчит Янис, пододвигая к себе сахарницу. — Уже сорок минут сидим. Задница квадратная

— Нет девушки — нет проблем, — бросаю небрежно и лениво отпиваю из чашки кофе.

— Ага, только все равно сидим здесь, — смеется Пашка. — А девочки, как спецэффекты в кино, без них скучно.

— Нормально, — пожимаю плечами. — Зато какое разнообразие вокруг. Захотел блондинку, захотел брюнетку. Никаких обязательств и нытья.

— И на тебя найдется зараза, — хмыкает Рафаэль, как чертов пророк.

— Типун тебе на язык.

Туда-сюда снуют официантки в новогодних костюмах. Кого только нет. Мы ржем, как идиоты, обсуждая каждого персонажа. Здесь и зайчик, и снежинка и кто-то похожий на елочку. Очень атмосферно, прям как в детском саду.

— Ладно, раз уж мы все равно зависли на неопределенный срок, давайте подумаем, как провести каникулы, — наконец говорит Раф, откидываясь на спинку. — Надо что-то

грандиозное. Чтобы потом было что вспомнить и девчонкам зашло.

— А если дом? — предлагает Янис. — Снять коттедж с бассейном, музыкой фейерверком. Отожжем по-взрослому. И девчонки оторвутся.

— Неплохо, — кивает Пашка. — Но есть проблема. У нас с Тузом нет девочек.

— Да, прям проблема века, — фыркаю я, лениво отбивая ритм по столу. — Ты же не инвалид, Пах. Любую бери, каждая будет счастлива. Ну или закажи накрайняк.

— Вот давай без этой грязи, — морщится Рафаэль.

Какие все стали святые, стоило только в отношения вляпаться. Скоро и потусить не с кем будет. Один Пашка остался холостой, как и я.

— Так уж и люблю., да? — тянет Пашка. — Некоторые не настолько поверхностны. Есть девушки, которые ценят ум, духовность...

— Да прекрати, — морщусь я. — Духовность в коттедже с джакузи?

— Хочешь сказать таких не бывает?

— Кончились, — кривая ухмылка растекается по губам. — Вон счастливичики расхватили последних.

Азарт, тупой и скучающий, начинает шевелиться у меня в груди, как спящий ежик. Нужно встряхнуть эту унылую тусовку.

— Давай поспорим? — внезапно оживляется Пашка, на-

клоняясь вперед. — Соблазнишь какую-нибудь... ну, мышку? Ту, на которую даже не посмотрел бы. Сделаешь так, чтобы она сама захотела с тобой на эту дачу на новогодние каникулы?

— Да легко, — ухмыляюсь я. — На что спорим?

— На новогодний подарок от наших родителей, — серьезно говорит он.

— У-у-у, — тянет Янис. — Жестко, Паш.

— Условия? — Я уже чувствую вкус легкой, дешевой победы. Как будто съел конфету, даже не развернув фантик.

Пашка делает вид, что сканирует помещение, как терминатор. Его взгляд останавливается на одной из официанток в костюме снежинки. Она стоит у стойки и что-то пишет в блокнот. Маленькая, тонкая, в своем трагикомичном наряде: юбка-пачка, которая вот-вот взлетит от малейшего сквозняка, футболка с грустным снеговиком и ободок с мишурой. Словно пришла на работу прямо с детского утренника. Немышь, а скорее, задумчивый пингвин в костюме балерины.

— А давай вон ту, — Пашка кивает на нее. — Такая не то, что не даст. Даже не посмотрит на тебя. Она, кажется, вообще не в этой реальности.

— Пф! — выдыхаю я с искренним презрением. Да это же даже не вызов, а издевка. Но Пашка непреклонен, и вся компания ждет, как в цирке, когда я упаду в лужу. Ладно, шоу должно продолжаться.

— Хорош, парни, — хмурится Рафаэль, делая вид, что

он голос разума. — Не смешно. Девушка ни при чем. Она, может, мечтает о великом, а вы тут со своими дурацкими спорами...

— Да брось, святой отец, — скалюсь я. — Будет весело. Я ее уложу. Какой срок?

— До Нового года, — смеется Янис. — Чтобы к нашему заезду в коттедж все было решено. Не забудь доказательства.

— Отлично. По рукам, — говорю я, и мы хлопаем ладонями. — Я тебе докажу.

— Идиоты, — качает головой Раф, но его глаза уже с интересом следят за «целью», как ученый за подопытным кроликом.

— Нормально все будет, — говорю я, глядя на Снежинку. — Ей точно понравится.

Я подаюсь вперед, чтобы начать этот нелепый фарс.

— Эй, малышка! Подойди сюда на секунду!

Она поворачивается и поднимает на меня взгляд. Холодный и равнодушный. Никакой смущенной улыбки, никакого румянца. В смысле? Я моргнул. Какая ж мышь? Это... вообще не мышь, а декорация в костюме снежинки.

Дверь кафе со звоном колокольчика распахивается, привлекая внимание. Входят Таисия и Аня, скидывают снег с волос и смеются. Анята замирает на мгновение и машет кому-то рукой.

— Саш! Привет! — кричит через весь зал.

Слежу за ее взглядом. Саш... Та самая официантка-сне-

жинка. И на ее лице появляется тень улыбки.

— Привет, Ань, — отзывается она. — Рада видеть.

Аня подходит к нашему столу, целует Яниса в губы и опускается на стул между нами. Мы смотрим на нее как на выпавший из сценария персонаж, который только что устроил революцию в нашем скучном мире.

— Что? — недоумевает Аня, оглядывая наши окаменевшие физиономии. — Вы чего такие кислые? Случилось что?

— Ты... ты знаешь девушку? — первым не выдерживает Пашка, кивая на стойку, где «снежинка» снова что-то пишет.

— Конечно, — Аня нахмуривается. — Моя соседка по комнате. Саша.

Соседка по комнате... это сильно упрощает задачу. Старый рефлекс срабатывает быстрее мысли. Ловлю взгляд Ани, натягивая свою самую обаятельную, слегка виноватую улыбку:

— Познакомишь?

Аня заметно напрягается.

— Зачем?

— Понравилась, — вру без зазрения совести, глядя прямо на Сашу у стойки. — Очень. Глаза... ну, или там, ободок. Точно, ободок покори!

— Идиот, — фыркает Аня.

Пашка давится своим лимонадом, Рафаэль закатывает глаза, а Янис смотрит на меня так, будто я уже проиграл. Не дожидается!

— Ладно, я сам, — отодвигаю стул и поднимаюсь на ноги.

Книга участвует в литмобе "(Не) идеальный Новый год" <https://litnet.com/shrt/POLq>

Глава 2. Александра

Сегодня в институте нет пар, и я спешу на работу. Утро пахнет свежевypавшим снегом, хрустальный декабрьский воздух звенит под ногами с каждым моим шагом. Я подхожу к кафе чуть раньше обычного и на мгновение замираю у двери, собираясь с мыслями перед длинной сменой и большим потоком посетителей. Ничего необычного, я уже давно привыкла к этому ритму. Внутри царит тепло, а под тихую фоновую музыку гирлянды на стенах переливаются спокойным светом, словно пытаюсь удержать всех в этом островке уюта от предновогодней суеты.

Переодевшись, поправляю нелепый ободок с мишурой, обязательный атрибут новогодней униформы, и делаю глубокий выдох. Что ж, если я должна быть снежинкой, буду ей. Ничего в этом зазорного нет, такая работа.

— Саш, ты как всегда первая, — улыбается Марина, наш менеджер, даже не успев снять пуховик. — Ты просто чудо. Остальные, наверное, еще в пробках.

— Все в порядке, — отвечаю я, завязывая фартук. — Я сейчас разберу утреннюю доставку и встану за стойку.

Она благодарно кивает и скрывается в кабинете, оставляя меня наедине с кофемашиной, стопками стаканов и списком заказов. Гости постепенно начинают подтягиваться: привычная утренняя смесь из студентов, преподавателей и молодых

мам с колясками. Я работаю быстро, почти на автомате, позволяя мыслям неспешно блуждать в такт привычным движениям.

И все бы продолжалось в этом размеренном ключе, если бы к полудню не появился шумный островок у окна. Уже полчаса там сидит компания парней — громких, самоуверенных, чувствующих себя здесь полными хозяевами. Я без труда узнаю их, наглые мажоры из нашего института. Они на курс старше меня, но слухи про них разносятся быстрее, чем готовится эспрессо.

Артем Туземский самый заметный из них. Тот, кто всегда в центре, чья одежда, кажется, стоит больше моей двухмесячной стипендии. Он жестикулирует, громко смеется, будто ожидая, что весь зал будет смеяться вместе с ним.

Другой мир, совсем для меня чужой и пугающий. Проходя мимо, я стараюсь не смотреть в их сторону, но игнорировать такую плотную ауру шума и беспечности почти невозможно.

— Эй, малышка! Подойди-ка сюда на секунду!

Малышка? Серьезно?

Я замираю на месте, не оборачиваясь сразу, и делаю глубокий вдох, будто готовясь шагнуть в ледяную воду. Поворачиваюсь и встречаю взгляд того самого Туземского, оценивающий, наглый, полный непоколебимой уверенности в том, что я сейчас улыбнусь и послушно подойду. Подобные взгляды для меня не новы, я давно научилась их просто пропускать мимо. Но сейчас внутри что-то резко застывает, превра-

щаяся в лед.

Я смотрю на него прямо, совершенно спокойно, не позволяя ни единой мышце лица дрогнуть в улыбке. Только вежливая, отточенная до совершенства отстраненность. Он моргает, будто не ожидая такого безмолвного, но совершенно однозначного ответа. В этот момент дверь кафе звякает, и этот звук раздается как спасительный звонок.

— Саш! Привет! — разносится по залу знакомый голос.

Я уже улыбаюсь, оборачиваясь навстречу: это Аня с Тасией, они входят, стряхивая с плеч искрящийся снег. Они совсем другие, искренние и настоящие, всегда приносят с собой частичку того домашнего уюта, которого мне порой так не хватает.

— Рада тебя видеть, — отзываюсь я.

Аня легко подбегает, обнимает меня за плечи, а затем направляется к тому самому столу, к своему Янису.

Артем все еще смотрит на меня с легким недоумением, как будто видит в первый раз. Смешно даже.

Я возвращаюсь за стойку и продолжаю работать, делая вид, что ничего особенного не произошло, но в воздухе все еще висит почти неосознаваемая вибрация, словно дрожь тетины после выстрела. То ли от пристального взгляда серых глаз, то ли от внезапного понимания, что в обыденности сегодняшнего дня что-то безвозвратно сдвинулось.

Ставлю на поднос два очередных латте и ощущаю, как чье-то присутствие вторгается в мое личное пространство,

слишком близко, почти на грани бесцеремонности. Тишина вокруг будто сгущается, становясь осязаемой и плотной.

— Привет, Снежинка, — раздается прямо над моим ухом бархатный, до тошноты уверенный голос.

Я медленно поднимаю взгляд, и передо мной предстает во всей красе Артем Туземский. Ну правда красивый, чего уж, но пустой, как и все мажоры.

Он стоит, опираясь локтем на стойку, будто это не рабочая зона, а сцена, где ему отведена роль главного героя. Его куртка небрежно расстегнута, волосы уложены с показной небрежностью, а на губах играет фирменная ухмылка человека, который привык, что мир улыбается ему в ответ. Но он совершенно не тот человек, с которым мне хотелось бы сейчас разговаривать. Да и нет времени на пустую болтовню.

— Я, кстати, Артем Туземский, — произносит с мурлыкающей интонацией. — Но ты можешь звать меня просто... ну... как захочешь, — добавляет он, и в его голосе сквозит снисходительная игривость.

— Я предпочитаю обращаться по имени, — сохраняю ледяное спокойствие. Внутри все замирает, но я не позволяю этому дрогнуть даже в голосе.

— Отлично, — его лицо буквально светится от самодовольства. — Тогда... как зовут тебя?

Я чуть склоняю голову, смотря на него прямо, без тени подобострастия.

— Александра Декабрева.

— Шурка Декабрева, — повторяет он, растягивая слоги так, будто пробует на вкус не имя, а коктейль в модном баре.
— Красиво. Очень... по-зимнему.

Улыбается, явно довольный своей банальной шуткой. Он слишком яркий, слишком громкий, и от него веет такой бесцеремонной легкостью, что мне хочется отступить на шаг, как от открытого огня.

— Не Шурка, а Александра, — поправляю твердо, почти отчеканивая каждый слог.

— Оу, — кусачая. — Ну хорошо, Саша... Сашенька, — тут же находит новый вариант, и в его голосе проскальзывает слащавая нотка. — Можно я закажу у тебя кофе? Тот, который ты приготовишь своими ручками... только для меня?

Наклоняется вперед, сокращая и без того маленькую дистанцию. От него пахнет дорогим парфюмом и вседозволенностью.

— Я уверен, это будет лучший кофе, который я когда-либо пробовал, — добавляет он, и в его словах слышится такой дешевый, заезженный подкат, что у меня сводит зубы.

Терпеть не могу этот «мед», густой от самоуверенности и пустой внутри.

— Ваш столик обслуживает другой официант, — говорю я безразличным, ровным тоном, словно диктую правило из инструкции.

Туземский приподнимает бровь с преувеличенным удивлением, будто я только что объявила ему о падении метеоро-

рита.

— А я сейчас не за столиком, — парирует он, играя в остроумность. — Я специально подошел лично, чтобы получить свой кофе... из твоих нежных ручек.

Последние слова произносит с таким нарочито-нежным акцентом, что у меня по спине пробегает холодок раздражения.

— Кофе готовит бариста, — спокойно, но неумолимо объясняю я. — И он гораздо лучше справится без моего вмешательства.

Я делаю шаг в сторону, собираясь уйти с подносом, но Артем чуть сдвигается, мягко блокируя мой путь. Не физически, а своим настойчивым присутствием.

— Подожди, неприступная Снежинка, — его голос теряет часть игривости, в нем появляется легкая, почти детская настойчивость. — Я просто хотел... познакомиться поближе. Ты до сколько работаешь сегодня? Я подвезу тебя до общаги.

Предложение звучит так, будто он оказывает мне величайшую честь.

— Не утруждайся, — отвечаю я, крепче сжимая ручки подноса. — У меня есть куда более важные дела, чем тратить время на скучный, банальный подкат.

Его рот на мгновение приоткрывается от чистого, неподдельного изумления. Мажор явно не ожидал такого прямого и безжалостного отказа. Он смотрит на меня, будто я только что нарушила все неписанные законы его вселенной и так и

не находит, что сказать. В его глазах мелькает целая буря, а я едва сдерживаю улыбку. Плавно разворачиваюсь, оставляя его в этом немом замешательстве.

— Хорошего дня, Артем Туземский, — бросаю через плечо голосом, в котором нет ни капли злорадства.

И ухожу, ощущая на своей спине его пристальный, обжигающий взгляд.

Глава 3. Артем

Медленно отступаю от стойки, делая невозмутимое лицо. А внутри легкий когнитивный диссонанс. Меня только что... не то, чтобы послали. Меня аккуратно и вежливо поставили на место. Как нерадивого ученика у доски.

«Скучный, банальный подкат». Окей. Принято. Запомнено.

Вот так просто взяла и... отбрила. Эта... снежинка в фартуке. Но как красиво и... любопытно. Обычно после моего «Привет, я Артем Туземский» девушки как минимум роняют вилку или путают заказ. А эта даже бровью не повела.

Возвращаюсь к столу и сразу попадаю под обстрел остроумия.

— Ну что, гений пикапа? — Пашка сияет, как новогодняя гирлянда. — Уже назначил свидание? Или тебя послали?

— План «А» не сработал, — отмахиваюсь я, опускаясь на стул. — Но я собрал ценные разведданные.

— Какие, например? — вставляет Рафаэль, откидываясь на спинку. — Что девушка умеет говорить «нет»? Это прорывное открытие.

— Она не сказала «нет», — возражаю я. — Она сказала, что мой подкат банальный. Это конструктивная критика. Значит, нужен небанальный подход, а я просто пошел слишком классическим путем.

— Классическим путем в тупик, — фыркает Пашка. — Хочешь, я тебе пару коронных фраз дам? Проверено на... э-э-э... на Танечке из деканата.

— Да пошел ты со своими фразами, — ухмыляюсь я. — У тебя подход как у пещерного человека: дубина, волосы, «ух!». Мне нужна тонкая работа.

Все начинают собираться. Янис с Аней уплывают по своим планам, Раф с Тасей — в свою семейно-драматическую сагу. Остаемся с Пашкой вдвоем на морозе.

— И что, признаешь свое поражение? — спрашивает он, потирая руки. — Подарок родительский сразу мне отправляй.

— Я и поражение? — поднимаю бровь. — Ни за что. У меня есть две недели и план «Б». Все девочки падки на широкие жесты и эта должна оценить.

Пашка смотрит на меня, будто я предложил полететь на луну.

— Туз, она тебя на «план Б» даже не подпустит, — качает он головой. — Можешь даже не утруждаться. Я выиграю этот спор.

— Обломись, друг мой, — хлопаю его по плечу. — Спор выиграю я и заберу твой подарок.

Вечером я паркуюсь на своем шикарном «Гелендвагене» в двух шагах от кафе, но так, чтобы не светить фарами прямо в дверь. А то Снежинка подумает, что я ее преследую. Хотя я ее и преследую, но в пределах допустимого.

На пассажирском сиденье лежит букет. Не «люблю-не могу», а стильный такой, зимний: белые цветы, зелень, все как надо. Купил у флориста, который обслуживает маминых подруг. Проверенный вариант.

Свет гаснет, дверь открывается и выходят три девушки. Снежинка и две ее подружки. Смеются о чем-то своем, так заразительно, что я сам невольно улыбаюсь.

Делаю вид, что случайно выхожу из машины именно в этот момент. Будто сама судьба устроила нашу неожиданную встречу.

— Эй, Снежинка! Подожди секунду!

Все трое девушек оборачиваются. Подружки замирают с немым «о-го-го» на лицах. У Саши же на лице появляется выражение, будто она увидела назойливую муху.

— Виделись уже, — констатирует небрежно. — Чего тебе?

«Чего тебе». У нее, кажется, только два режима: «ледяное молчание» и «констатация фактов».

— Подвезу? — делаю самый непринужденный жест в сторону своего железного коня. — Тепло, комфортно, без ветра.

Она смотрит на «Гелендваген», потом на меня, и губы чуть дергаются. Это не улыбка, а скорее... микро-усмешка. Как будто я показываю ей не машину, а трехколесный велосипед с мигалкой.

— Спасибо, — говорит она сладким-пресладким голосом. — Я прогуляюсь. Воздух свежий, полезно для мозга. Тебе

бы не помешало.

Одна из подружек фыркает в ладонь.

— Раз ты так считаешь, тогда я с тобой пройдуся, — не сдаюсь я. — Для пользы и все такое...

— Не нужно, — ее голос становится жестче. — Я с подругами. Коллективный мозговой штурм, так сказать.

— Подожди, — говорю я, теряя нить этой абсурдной дискуссии. — Я же просто подвезти хочу! Это что, преступление?

Саша поворачивается ко мне полностью. Ее взгляд чистый, изучающий.

— Туземский, — говорит она тихо, но очень внятно. — Ты что ко мне прицепился? Девушки другие закончились или поспорил с кем-то?

Все внутри у меня на секунду замирает. Как будто я бежал, а под ногами внезапно исчез тротуар. Я открываю рот. Закрываю. В смысле, млять? Как? Откуда она узнала?

А Саша, пользуясь моим временным замешательством, легко кивает подругам.

— Все, пошли, — говорит она, и они растворяются в вечерней темноте, оставив после себя легкий перезвон девичьего смеха.

Я стою как идиот около закрытого кофе и чувствую себя немного глупо. Хотя нет, сильно глупо... Ну ладно. Не оценила транспорт. Бывает.

Забираю из салона цветы и лениво закидываю в урну.

Пусть порадают дворника, а мне нужно подумать.

Сажусь в машину, завожу мотор. Рык двигателя звучит в пустом переулке слишком громко и пафосно, как саундтрек к моей небольшой оперативной неудаче. Но пока я выруливаю на основную дорогу, в голове уже строится новый, гениальный и совершенно небанальный план «В».

Она думает, что это я отстал? Да это только разминка.

НОВОГОДНЯЯ НОВИНКА у АННЫ БИГСИ! Что-то необычное, про поисковый отряд, но с юмором. Присоединяйтесь!

ТЕПЛО ЛИ ТЕБЕ, ДЕВИЦА?

<https://litnet.com/shrt/c5T1>

— Ну что, тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, «синяя»?
 — Дед Мороз... — Она хлопает белыми от инея ресницами и стучит зубами. — Ты существуешь?
 Еще и галлюцинации. Прекрасно. Просто идеально. Кто вообще эту блаженную допустил до поисковых работ? Какой из нее волонтер, твою мать? Обезьянка с камерой, добытчица контента! Она же в трех соснах потеряется! Собственно, что и произошло.
 — Какой, нахрен, Дед Мороз? — рывкаю я, теряя последние остатки выдержки. Хватаю ее за капюшон желтой куртки и поднимаю на ноги. — Я тебе сказал: не отходить ни на шаг. Это так сложно? Для кого я проводил инструктаж? Для белок?

 Влад Стужев — лучший поисковик отряда. Холодный, собранный, бескомпромиссный.

Он привык работать четко, слаженно и никогда не теряет голову.
Настя Чудина — блогер, волонтер и стихийное бедствие, свалившееся на него без предупреждения.
От ее репортажа зависит судьба всего поисково-спасательного отряда «Ориентир Надежды».

Глава 4. Александра

В нашей комнате пахнет дешевым пакетированным чаем с бергамотом и печеньем «Юбилейное». Я сижу, методично разделяя его на три кучки: сломанные, чуть помятые и идеально ровные, которые я съем в последнюю очередь. Это мой маленький ритуал порядка.

— ...а потом из этого танка выходит король жизни, неотразимый Туземский! — рассказываю я. — И предлагает подвезти! Я чуть не споткнулась!

— Подвести? — Катя замирает с печеньем на полпути ко рту. — А ты что, наша Снежная королева?

— А что «что»? — пожимаю я плечами, выбирая первую жертву из «сломанных». — Сказала, что прогуляюсь, так как это полезно для мозга. Посоветовала и ему.

— И что, он так сразу и отстал? — спрашивает Аня.

— Ну как сразу... И так хвост распушал и эдак, — смеюсь я, — но не сработало. Мы ушли, а он остался. Ленка еще заметила краем глаза, что он шикарный букет в урну выбросил.

— Букет в урну? — Катя не понимает. — Э-эх, я бы забрала себе.

— Урна там очень стильная, под цвет его машины, — замечаю я невозмутимо. — Так что, все по фэншую.

Катя издает звук, средний между хрипом и хохотом, и хлопает себя по коленям.

— Букет в урну, слишком дорогое удобрение. Ну ты, Сашка, даешь. Круче только яйца, сваренные вкрутую.

Аня смотрит на меня с немим укором, но в уголках ее губ тоже дрожит смех.

— Может, он просто растерялся? Искренне хотел...

— Никакого «искренне», — перебиваю я, наконец добиваясь до ровных, идеальных печенок. — Давай проведем боевой разбор. Подкат один: классический развод на флирт у стойки с использованием имени и фамилии как VIP-пропуска. Провал. Подкат два: демонстрация статуса через материальные активы класса «люкс» и сезонную флору. Тоже провал. Вывод: тактика примитивная, рассчитана на низкий боевой дух и высокую внушаемость противника. Коей у меня нет.

— Но почему ты так уверена, что это тактика? — Аня складывает руки на груди, входя в роль адвоката. — Вот мой Янис, он же тоже... ну, из той же компании. А он хороший!

— Анют, милая, — Катя хватает ее за руку с драматическим вздохом. — Твой Янис для нас уже прошел проверку. Он носил суп, когда ты с температурой лежала, нянчился с тобой. И вообще он для тебя — священная корова. Вы вон сколько дружили «до». А этот... Туземский... он пока что просто теленок, который даже правила не выучил.

— Совершенно верно, — киваю я, отламывая от печенья ровную половинку. — Такой резкий интерес после полного игнора весь семестр? Тут только два варианта. Или спор, или

я ему на ногу наступила, а он запомнил меня и решил отомстить. Но... я не наступала.

— Значит, спор! — Катя хлопает по столу, и чашки звонко звякают. — Классика жанра! Сто пудов, он со своими пацанами поспорил на что-то.

Я складываю руки, принимая вид полководца на военном совете.

— В любом случае я не собираюсь участвовать в играх мажоров, поэтому что бы он ни делал, шансов ему не дам!

— И правильно, — Катя протягивает руку для символического рукопожатия. — Лучше перестраховаться, чем стать посмешищем для всего института.

— Подождите! — Аня пытается вернуть нас в реальность. — А если Туз просто влюбился с первого взгляда?

Мы с Катей синхронно поворачиваем к ней головы и хором произносим:

— Не-а!

Все трое заливаемся смехом. Катя тут же хватается за блокнот в виде котика и записывает.

— Так, заводим досье. Объект: Туземский Артем. Прозвище: «Теленок». Вероятный мотив: спор на материальные ценности или желание заполучить «трофей». По классификации: мажор-тактик, уровень угрозы — низкий (пока что), уязвимое место — непробиваемая броня равнодушия нашего агента Декабровой.

— И завышенная самооценка, — добавляю я, допивая

чай.

— Заносим, — Катя выводит в блокноте смайлик в виде тельняшки.

Утро встречаю улыбкой, а вчерашний вечер оставляет приятное чувство маленькой победы, но расслабляться рано. Надо держать ухо востро.

Весь путь до университета внимательно смотрю по сторонам, чтобы не нарваться на черный «Гелендваген» или знакомый силуэт в дорогой куртке.

И мне даже какое-то время везет. Правда недолго, едва успеваю войти в главный холл, как мой внутренний звоночек звонит. У большой новогодней елки, прислонившись к стене, стоит Артем Туземский и явно кого-то ждет. И что-то мне подсказывает, что этот «кто-то» я.

Пока он меня не заметил, сама сканирую его взглядом. Черт, а он действительно хорош собой. Но это ничего не значит, просто констатация факта, ничего более. Высокий, с этими дерзкими серыми глазами и раздражающе уверенной осанкой, но вся эта картинка, как красивый фантик от пустой конфеты. Блестит, а внутри ничего.

Так. Значит, он решил попробовать еще раз. Подход номер... какой там у нас? Третий, кажется. Еще один банальный сценарий: «Случайная встреча». Он играет роль рассеянного старшекурсника. Ну что ж, посмотрим.

Я направляюсь к лестнице, делая вид, что полностью погружена в мысли о предстоящем семинаре. И точно, через

три шага сзади раздается голос, нарочито удивленный:

— О! Александра.

Оборачиваюсь. Артем уже рядом, на лице играет дерзкая полуулыбка.

— Привет, — киваю я, не останавливаясь.

— Это судьба, — он легко подстраивается под мой шаг.

— Я как раз к ректору, документы нужны. Ты не в курсе, Борис Сергеевич сегодня на месте? А то бегать зря неохота.

Хитро. Не спрашивает, куда я, а просит помощи. Умный ход.

— Борис Сергеевич? — делаю я задумчивое лицо. — Кажется, сегодня у него прием в новом корпусе. В кабинете 500. С десяти. — Сообщаю ровным тоном, будто говорю о погоде.

Кабинета 500, конечно же, не существует. Его там просто нет.

— В новом? Пятисотый? — в глазах Туземского на секунду мелькает сомнение, но он быстро кивает. — Точно, спасибо, что напомнила. А ты куда?

— А я на факультет, — мягко отвечаю, указывая рукой в совершенно противоположную сторону. — Консультация. Опаздывать нельзя.

И, не дав ему вставить еще слово, ускоряю шаг и растворяюсь в толпе, поворачивающей налево. Главное не оглядываться и, кажется, получается. А сама иду в библиотеку, которая находится на втором этаже. И когда поднимаюсь и про-

хожу по галерее с видом на холл, не могу не улыбнуться.

Артем Туземский стоит посреди зала, уткнувшись в телефон с картой кампуса. Потом решительно направляется к выходу, явно в сторону нового корпуса. Ну что ж, хотел прогуляться? Пусть прогуляется. Полезно.

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу коллег Евгении Ник, Киры Хо.

С НОВЫМ ГОДОМ, ПРИДУРОК! <https://litnet.com/shrt/JVAP>

Глава 5. Артем

Утренняя курилка у института пахнет морозом, дорогим табаком и моим раздражением. Прислонившись к стене, нервно отбиваю ритм зажигалкой по колену и выдуваю сильную струю в сторону.

— Ну что, герой-любовник, — голос Пашки режет слух. — Оттаяла твоя Снежинка?

Тихомир молча курит, но по его едва заметной улыбке видно, что смакует ситуацию, как и все в компании. Рафаэль усмехается и что-то строчит в телефоне, вероятно, Тасе, и в нашем разговоре не участвует.

— Она не оттаяла, она заморожена до состояния вечной мерзлоты, — выдыхаю я, глядя в серое небо. — Это ненормально. Нормальные девушки радуются вниманию.

— Нормальные — да, — философски замечает Тихир. — А эта, судя по всему, относится к редкому виду «имеющему иммунитет к твоему обаянию». Вымирающий вид, кстати.

— Тихо нахрен. У меня все под контролем, — бросаю я без злобы, но внутри кипит не злость, а азартное недоумение. Как так-то? Меня и вот так по боку! Бесит до трясучки.

Пашка хлопает меня по плечу, и в его глазах горит огонек будущего победителя. Но я не собираюсь сдаваться без боя.

— Темыч, может, хватит? Признавай поражение и отдавай мне тот самый крутой подарок, что приготовили тебе пред-

ки.

— Сдурел ты что ли? — я отстраняю его руку. — До Нового года еще уйма времени. Я только размялся.

К нам подходит Янис, в руке у него подставка с двумя бу-
мажными стаканами из популярной сети кофеен. Он доволь-
но скалится, отпивая из одного из них, и меня осеняет. Ну,
конечно, же! Кофе.

— Точно! — вырывается у меня, и я смотрю на стаканы
друга, как на ключ от сейфа.

— Что это с ним? — осторожно спрашивает Янис, отводя
кофе подальше.

Парни лишь закатывают глаза и продолжают себаться.
Придурки.

— Ян, братан, — говорю с самой искренней, товарище-
ской улыбкой. — Сделай доброе дело. Угости старого друга
кофе.

Он смотрит на меня, как на психа.

— Ага, как же. Разбежался и упал. Это для моей малыш-
ки, — он кивает в сторону входа, где вдали маячит фигурка
Ани.

— Да че тебе, жалко, что ли? Один стаканчик.

— Мне не жалко. Но этот, кивает на розовый, для Ани. А
тот, указывает на второй, для меня. Хочешь кофе — сгоняй
купи, — говорит он, делая глоток из своего стакана.

— Так он не себе хочет, — ехидно вставляет Раф.

— Тем более, — фыркает Янис. — А вот и Анютка моя.

Адъес, парни.

И он быстро уходит навстречу своей девушке, прижимая к груди драгоценные стаканы, будто спасая их от ограбления.

— Жмотяра, — кричу ему вслед.

— Все самому делать приходится, великому соблазнителью, — ржет Пашка.

— Заткнись, — рычу я уже без всякой игривости и, развернувшись, иду к машине.

Через двадцать минут я уже стою в очереди в самом модном кофейном месте в районе. Проблема в том, что я понятия не имею, что любит Саша. Капучино? Латте? Полагаясь на логику, выбираю для девушки мило, фотогенично и с пенкой. Беру «розовое латте с клубничным кремом и золотой пылью». Выглядит как десерт, а не напиток. Идеально.

Возвращаюсь в институт, чувствуя себя ходячей стратегией. Этот план железобетонный. Кто откажется от утреннего кофе? Особенно такого... девчачьего. Еще и от самого офигенного парня института. Да любая будет визжать от восторга.

Жду Сашу у главного входа, поглядывая на часы. Наконец вижу свой трофей, но идет она не одна, конечно, а с той самой рыжей подружкой. Они о чем-то болтают, и Саша улыбается легко и искренне. Я на секунду замираю, наблюдая за девчонкой. Она совсем другая, когда расслаблена, даже симпатичнее вроде.

Черт, чуть не упустил момент, когда они прошли мимо.

Выравниваюсь и нагоняю их парой больших шагов.

— Привет, — говорю я, стараясь говорить непринужденно, словно все это не спланированная акция.

Александра оборачивается, и улыбка на ее лице не гаснет, а лишь становится чуть более вежливой.

— Привет, — отвечает она. — Ты что-то хотел?

Рыжая подружка замирает, глядя на меня с нескрываемым интересом.

— Кофе угостить, — усмехаюсь я, протягивая ей фирменный розовый стакан. — Самый популярный у... э-э-э... у ценителей.

Декабрева смотрит на стакан, потом на меня. Ее глаза округляются с наигранным, невинным удивлением. Она даже хлопает ресницами.

— Ой, прости, я кофе не пью.

В воздухе повисает тишина. Ее подружка издает странный звук, похожий на подавленный смех.

— В смысле, не пьешь? — я не верю своим ушам, а моя улыбка стекает на пол. — Ты же в кафе работаешь?

— У меня режим, — говорит она мягко, с легким, извиняющимся вздохом. — Кофеин — это токсин. Он разрушает коллаген и перегружает надпочечники. Я пью только травяные чаи и воду с лимоном.

Я стою с протянутой рукой, чувствуя себя конченным идиотом. Розовый стакан в моей руке начинает нагреваться от унижения.

— Но... здесь же блестяшки! — это все, что мой мозг может выдать в ответ на ее тираду про надпочечники.

— Золотые блестяшки пищевые, E175, — парирует без запинки. — Сомнительная пищевая добавка. Извини, мне на паре. А кофе... сам выпей. Раз уж купил.

И они уходят. Рыжая, проходя мимо, бросает на меня полный сочувствия взгляд, от которого становится только хуже.

Я остаюсь один посреди коридора с дурацким розовым латте в руке. Внутри все закипает от злости и полного, абсолютного краха логики. Сжимаю стакан сильнее, он хрустит, но я не замечаю этого, пока теплая, липкая, розовая жидкость не выплескивается наружу. Сперва на руку, потом широким, нелепым пятном на мою куртку и светлые джинсы. Теперь на них словно произошло убийство клубничного эльфа.

— Твою ж мать! — рычу я так громко, что несколько первокурсников шарахаются в сторону.

Стакан, смятый в лепешку, летит в урну с глухим стуком. Я стою весь в розовых разводах, чувствуя, как пар идет не от кофе, а от меня самого.

Ладно, Декабрева. Не хочешь по-хорошему... Будет как-то еще!

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Арины Лариной

ЖЕЛАНИЕ ЗАГАДАЙ <https://litnet.com/shrt/G5IJ>

Глава 6. Александра

Сегодняшний день начинается с приятного щелчка в приложении банка. Зарплата пришла, небольшая, но честно заработанная лично мной. Довольно улыбаюсь и быстро перевожу половину суммы родителям с пометкой «на Новый год».

Звоню домой. Трубку берет мама, и сразу слышу знакомый шум домашней суеты, лай Шери и голос сестры на заднем фоне.

— Сашенька, солнышко. Все получили. Спасибо тебе большое, что помогаешь.

— Да ладно, мам, — говорю я, прижимая телефон к уху. — Как там у вас? Папа как?

Разговор течет тепло, в привычном русле: здоровье, погода, предпраздничная суета. Потом папа берет трубку, сурово спрашивает про учебу. Я докладываю, что все хорошо, сессия будет закрыта на отлично. В его голосе сквозит гордость, которую он пытается скрыть под деловитостью.

— Ну, молодец. Значит, скоро домой? Когда сессия зимняя кончится?

Тишина с моей стороны затягивается на секунду.

— Я... пока точно не знаю, пап. Хочется на Новый год домой приехать, но надо с работой решить.

— Понятно, — говорит он. — Как решишь обязательно

сообщи, я тебя встречу.

— Конечно, — говорю я, и в горле неожиданно встает комок. Я действительно соскучилась. По запаху выпечки, по папиным шуткам, по маминым рассказам и болтовне сестренки.

Сбросив звонок, утыкаюсь в экран, обдумывая свой маленький, но важный подарок. Графический планшет для младшей сестренки. Для ее мечты и будущего, о котором не говорит вслух, но я-то знаю...

В институте время тянется слишком медленно. Закончив задание чуть раньше остальных, утыкаюсь в телефон. Нахожу нужную модель, сравниваю цены, читаю сто тысяч отзывов, как будто покупаю новостройку. И, наконец, нажимаю «Заказать».

В графе «Комментарий к доставке» рука сама выводит:
«Для будущего великого художника. Упакуйте покрепче, пожалуйста.»

Телефон снова вибрирует, теперь семейный чат.

Мама: Саша, мы уже начали генеральную уборку!

Папа: Это не мы начали. Это твоя мать начала. Я просто попал под раздачу.

Сестра: А я «Монополию» подготовила уже! Ты хотела реванш после того раза.

«Тот» раз — это когда меня обыграл ребенок. Причем с минимальным отрывом, но она рассказывает всем, будто я проиграла в пух и прах.

Я смеюсь. У нас дома всегда все превращается в мини-хаос, но... такой, любимый.

Мама: Мы хотим елку поставить заранее! И мандарины купим, если отец их не съест.

Папа: Это клевета. Мне всегда достаются только мятые или кислые. Как и конфеты.

Мама: Гирлянду повесили, будем вырезать снежинки.

Папа: И старые фильмы смотреть будем обязательно. И никаких протестов!

Я улыбаюсь, и печатаю: Очень по вам соскучилась, обязательно приеду.

Мама: Мы тебя ждем.

Сестра: Очень

Папа: Поддерживаю

Меня неожиданно накрывает волной чего-то теплого. Вот бы сейчас: мама на кухне, папа спорит с телевизором или рассказывает бесконечные байки «как мы в девяностых...», елка мигает слишком ярко, сестра таскает мандарины. Дома...

Именно с этим ощущением я и выхожу из аудитории на следующую пару, внутри меня словно зажглась маленькая новогодняя лампочка. И даже коридоры института кажутся чуть светлее.

Почти что праздничное настроение держится... ровно до конца пары. Студенты уже наполовину мысленно в столовой, когда дверь резко распахивается. Влетает староста второго

курса взъерошенный, радостный и испуганный одновременно.

— Народ! Спасайте! — выдыхает он, хватаясь за косяк.
— У нас для новогоднего выступления в детской больнице девочка нужна. Наша заболела, остальные заняты. Кто может выручить?

Аудитория погружается в абсолютное молчание. Такое бывает только перед экзаменом... и вот сейчас. Староста мечется глазами по аудитории, все делают вид что их здесь нет. Я машинально сглатываю слюну, но внутри меня уже насто-рожился маленький, но чуткий внутренний зверек по имени «Плохое предчувствие».

— А у нас Декабрева, по таким делам, — вдруг произносит Эмилия Туземская. Одна из мажорок нашего факультета и сестра того самого Артема. — И хвостов, на сколько я знаю, у нее нет.

Я чуть не роняю ручку. Что?

— Ты с ума сошла? — смотрю на нее. Мне вот только этого не хватало для полного комплекта.

— Да, Сашенька отличная кандидатура, — улыбается препод. — Очень исполнительная и надежная девочка.

Ну нет, пожалуйста... Роняю голову на руки. Кто-нибудь спасите меня.

— Точно, Декабрева! Ты же идеальная кандидатура, — староста ликует. — Мне же именно тебя и рекомендовали.

— В смысле? — поднимаю голову.

— Ну ты всегда помогаешь, — объясняет староста так, будто это аргумент уровня «у тебя паспорт есть». — У тебя и сестра есть.

— А у Эмилии брат, — фыркаю я.

— А Эмилия закрывает хвосты, — та расплывается в улыбке и показывает мне язык. Серьезно?

Препод одобрительно кивает, показывая, что все решено. Ну бли-ин... Я не хочу, у меня свои дела. Но поздно, я уже назначена. Без обсуждения, без права на апелляцию и даже на «ой, а можно подумать?».

Сижую, стискивая ручку так, что она скоро сломается пополам. Нервы дрожат, мысли скачут.

Поздравление, новогоднее... Почему именно я?..

После пары иду по коридору, пытаюсь осмыслить катастрофу, и боковым зрением замечаю знакомую фигуру. У стены, возле окна, стоит Туземский Артем и, надо же какое совпадение, разговаривает с тем самым старостой, который только что сломал все мои планы на тихую студенческую жизнь.

Староста, оживленно жестикулируя, замечает меня и показывает пальцем прямо в мою сторону.

— Вот она согласилась.

Артем оборачивается, наши взгляды встречаются и наступает секунда тишины.

В его широко распахнутых глазах читается не наглость, а искреннее, почти детское удивление. Он даже приподнимает

брови, и уголок его рта дергается в начале улыбки.

А у меня в груди что-то коротко и звонко щелкает, а горячая волна злости заливает все теплое, что оставалось после разговора с семьей. Это точно не случайность.

Пазл с грохотом встает на место. Его странный интерес, его провальные попытки... а теперь я каким-то волшебным образом оказываюсь втянутой в мероприятие даже не своего курса. Саботаж, самый чистый, наглый и беспроектный.

Туземский все это подстроил специально! И сестру подослал. Вот же гад редкостный. Думает, что подловил меня? Не дождется!

Мое лицо становится каменным, я медленно поворачиваюсь и ухожу.

— Саш, подожди, — летит мне в спину все тот же хрипловатый голос, но я стискиваю зубы и ускоряю шаг, а мой четкий план «не давать мажору шансов» только что обрел новую, конкретную цель.

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Лены Фарт

ФЕЙЕРВЕРК ЧУВСТВ <https://litnet.com/shrt/uviz>

Глава 7. Артем

Жду парней в коридоре и слушаю Сергея — нашего старосту — который мелет чепуху про какой-то благотворительный новогодний концерт в детской больнице. Как будто мне это должно быть интересно.

— ...в общем, слегла Маринка с ангиной, — бубнит он, перебирая бумаги. — Но я вроде нашел замену, на первом курсе...

— И кто же эта несчастная? — лениво перебиваю я, разглядывая свои кроссовки. Новая модель, сегодня первый раз надел. Кайфовые.

— Вот она согласилась, — Сергей кивает куда-то за мою спину.

Оборачиваюсь. И воздух из легких вышибает.

Саша идет по коридору с лицом человека, которого только что приговорили к каторжным работам.

— Да ладно, — вырывается у меня непроизвольно, а сердце начинает биться чаще. — И что, прям согласилась-согласилась?

Сергей фыркает.

— Куда она денется? Препоп благословил.

Мысль рождается и проносится со скоростью света. Она будет участвовать, значит и я должен тоже там быть.

— Серег, — хлопаю его по плечу. — Я тоже участвую.

Сергей смотрит на меня, будто я только что предложил станцевать там же балет «Лебединое озеро» в пачке и пуантах.

— Артем, ты с ума сошел? Состав уже укомплектован. Все роли утверждены. И, прости, но ты... — он подбирает слово, — не очень-то артистичный.

— Значит, придумай новую роль! — настаиваю я, не отрывая глаз от удаляющейся спины Саши. — Для меня специально. Могу, например на барабанах сыграть.

— На барабанах? — староста закатывает глаза. — У нас программа хоровод и стихи. Тебя что, зайцем назначить?

— Похер, я согласен и на зайца! Или снеговиком. Или... Дедом Морозом! Я буду отличным Дедом Морозом!

— Ты будешь проблемой, — вздыхает Сергей, но в его глазах уже мелькает понимание. Он не дурак и все видит.

— Слушай, — понижаю голос. — Тебе спонсор нужен? На костюмы, реквизит? Мой отец любит благотворительность. Особенно если его сын участвует.

В глазах Сергея загорается практический огонек. Кошелек всегда побеждает.

— Ладно. Придумаю что-нибудь, — мгновенно вписывает меня в состав. — Но, Туземский, чур без фокусов.

— Конечно, ты же меня знаешь, — бросаю я и устремляюсь вдогонку. — Саш! Подожди!

Она не оборачивается, шаги стучат по лестнице вниз, четкие и быстрые. Я перескакиваю через ступеньки, догоняя ее

уже в шумном главном холле, где толпятся студенты между парами.

— Декабрева! — мой голос звучит громче, чем я планировал. Несколько человек оборачиваются. — Я слышал новость, поздравляю с назначением. Ты будешь круто смотреться...

Саша замирает, медленно, очень медленно поворачивается. Ее лицо совершенно спокойно, но глаза... в них бушует настоящая буря. Она смотрит на меня, и тишина вокруг становится звенящей.

— Ты, — говорит тихо, но так, что слышно в радиусе пяти метров, — ты это специально подстроил, да?

— Что? — я искренне не понимаю.

— Не притворяйся. Мне «рекомендовали»? Внезапно кто-то там заболел... и ты уже в курсе? Как быстро, не находишь? — ее голос становится острее, режет воздух. — Это снова твои игры, Туземский? Заманить меня в ловушку под видом благотворительности? Это гнусно. Даже для тебя.

Вокруг нас уже образовалась тихая зона. Люди прислушиваются, не скрывая интереса. Щелкают чьи-то языки, твою мать...

— Саша, подожди, ты не так все поняла, — пытаюсь оправдаться, но звучит слишком фальшиво. Потому что я мысленно уже поблагодарил Сергея за эту гениальную идею.

— Не поняла? — Декабрева делает шаг вперед. Ее лицо приближается, и я вижу в ее глазах жгучую обиду. — У ме-

ня есть планы. Семья ждет. А ты влезаешь и все портишь. Потому что тебе скучно, потому что ты не можешь просто отстать, когда тебе говорят «нет»!

— Да я-то тут причем? — вырывается у меня, и в голосе прорывается искреннее раздражение.

Она отступает на шаг, ее взгляд скользит по моему лицу с таким холодным презрением, что мне становится не по себе.

— Знаешь, кто ты, Артем? — говорит уже спокойно, ледяным, отчетливым тоном, который разносится по замершему холлу. — Ты самовлюбленный, избалованный придурок. Который думает, что мир крутится вокруг него. И мне тебя жаль. Искренне.

Разворачивается и уходит. Медленно, с гордо поднятой головой, проходя сквозь расступающуюся толпу, а ее слова висят в воздухе, тяжелые и нестираемые.

Нет, ну нормальная?

Я стою как идиот посреди всеобщего внимания. В ушах гудит. Кто-то сзади неуверенно хихикает. Кто-то шепчет: «Вломила...». Чей-то телефон, наверное, снимает. Капец, млять!

— Ну началось, — говорит Сергей, подходя сзади. — А говорил без фокусов.

— Заткнись, — шиплю я, отворачиваясь. Но понимаю, что моя игра только что вышла на новый, публичный уровень.

Я выхожу на улицу, и морозный воздух обжигает горячее

лицо. В кармане дрожит телефон, наверняка кто-то из парней, уже мусолят мою персону во всех чатах. Бесит это все, а в голове стучит только одно: «Самовлюбленный придурок. Мне тебя жаль». Коза какая! Зацепила за живое.

Самое противное, что сейчас, в этот момент, я с ней отчасти согласен. Но сдаваться? Нет. Теперь отступить поздно. Всякое отступление будет выглядеть так, будто Саша была права.

Ладно, Декабрева, ты сама выбрала публичную арену, посмотрим, кто кого пожалеет в итоге.

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Киры Сороки

Нелюбовь. Обморожение https://litnet.com/shrt/JGM_

Глава 8. Александра

Катя сидит на полу, прислонившись к кровати, и сосредоточенно красит ногти. Аня развалилась на стуле, а я хожу из угла в угол, как тигр в клетке, которую кто-то перенес в другое место без моего ведома.

— Он специально это сделал, — заявляю я, не сбавляя шага. — Все просчитал. Чтобы я волей-неволей согласилась на участие. С ним!

— Саш, стоп, — Аня поднимает руку, как регулировщик. — Он вообще-то отказался.

Я замираю на полпути от шкафа к столу.

— В смысле «отказался»?

— В самом прямом, — пожимает плечами она. — Когда набирали участников, Туз прямо заявил, что участвовать не будет. Что это «не его формат», и ему совсем некогда заниматься ерундой.

— Ага, — скептически тяну я. — А зачем тогда вся эта настойчивость? И эта наша «случайная» встреча?

Катя дует на ярко-алые ногти и добавляет между делом:

— А еще, говорят, что он деньги дал. На костюмы и реквизит. Ну точнее его отец.

Я поворачиваюсь к ней.

— Что?

— День-ги, — четко повторяет она, закручивая колпачок

лака. — Не знаю сколько, но я сегодня слышала, как девчонки с их курса обсуждали. Между прочим, восторженно отзываясь о твоём Туземском.

— Он не мой! — возмущенно фыркаю я.

В комнате на секунду становится тихо. Аня и Катя переглядываются.

— Деньги, значит... — медленно произношу я, наконец плюхаясь на кровать. — На костюм для выступления. Это... странно.

Аня внимательно смотрит на меня.

— Может, ты все-таки ошибаешься насчет спора? Вдруг ты и правда ему понравилась?

Я не отвечаю. Потому что где-то глубоко внутри, против моей воли, впервые мелькает крошечная, настырная мысль: «а вдруг?»

Актный зал пахнет краской, старым бархатом и пылью — типичный запах студенческих мероприятий и всеобщей предновогодней суеты.
 Я захожу и первым делом вижу коробки. Много коробок. С надписями маркером: «елка», «Снеговик», «Реквизит — осторожно, стекло!».

— Так, ребят, все готовы? — расплывается в улыбке Сергей-староста. — У нас небольшие изменения. Вместо Лужиной будет Саша Декабрева с первого курса. И... у нас новый персонаж — Заяц.

Я еще не успеваю толком оглядеться, как взгляд сам цепляется за фигуру в правом углу.
 У стены стоит Артем.

И рядом с ним на полу ростовая кукла — Заяц.
Огромный. Белый. С ушами сантиметров под семьдесят. С застывшей, слегка идиотской улыбкой до ушей.
Артем смотрит на него так, будто его «Гелендваген» волшебным образом превратили в трехколесный велосипед с мигалкой.

— Это... — он делает паузу, переводя взгляд с зайца на Сергея, — это мне?

— Ага, — радостно кивает тот. — Ты же сказал: «хоть зайцем». Вот. Вселенная услышала твою просьбу.

— Я не думал, что она настолько буквально услышит, — мрачно отвечает Артем.

Я отворачиваюсь, но поздно. Уголки губ предательски дергаются. Заяц. Ну конечно. Вот она, вселенская справедливость. Я довольна таким исходом.

Артем берет голову костюма, она оказывается почти размером с половину его торса. Он поднимает ее, с отвращением примеряет на себя и сразу снимает. Потом, с глухим вздохом, надевает снова.

— Тут вообще дышать можно? — его голос звучит глухо, как из колодца.

— Можно, — философски отвечает Сергей. — Но недолго. Не советую глубоко размышлять о смысле жизни.

Артем вздыхает, и одно заячье ухо заваливается набок. Он неуклюже поворачивается, не видя ничего перед собой кроме мутной сетки, и едва не врезается в старое пианино.

— Осторожнее, — говорю я раньше, чем успеваю поду-

мать.

Туземский замирает, медленно, с трудом, поворачивается в мою сторону и смотрит через мутную сеточку глаз зайца.

— Это кто сейчас сказал? — доносится изнутри глухое эхо.

— Я, — спокойно отвечаю. — Пианино жалко.

Из-под заячьей головы раздается фыркание и даже без привычной самодовольной.

— Вот уж не думал, что для того, чтобы ты заговорила со мной, нужно будет надеть голову гигантского кролика.

Я пожимаю плечами.

— Не льсти себе. Но, знаешь... Заяц тебе идет. Очень... характерно.

Артем аккуратно снимает голову, вытирает вспотевший лоб рукавом. Волосы растрепаны, взгляд все еще немного шальной.

— Слушай... — начинает он, потом замолкает, будто передумал. — Ладно. Забей.

И что самое удивительное — больше не лезет. За всю репетицию ни разу не подкатил, не бросил нахального взгляда, не попытался пошутить в мою сторону.
 Я ловлю себя на мысли, что несколько раз сама на него посмотрела.
 Странно. Очень странно.

Я выхожу из зала последней, когда все уже разошлись. Коридор погружен в полумрак, и эхо моих шагов гулко отдается в тишине.

— Эй, красавица, — раздается сзади хрипловатый голос. Оборачиваюсь. Какой-то тип, наверное, старшекурсник, стоит, лениво опираясь на косяк двери в спортзал. От него явно пахнет алкоголем.

— Вся такая и без охраны? Твоей маме зять не нужен? — он криво усмехается.

— Отстань, — бросаю я коротко и поворачиваю к лестнице.

Сердце начинает глухо стучать в ушах. Становится... неприятно и нервно.
 Я спускаюсь на пару ступенек и слышу тяжелые шаги за спиной. Стремительно приближаются, значит он идет за мной.

В голове белый шум, только давние слова тренера всплывают четко: «В минуту опасности не жди. Бей первая». Поддавшись порыву, я резко разворачиваюсь и не глядя выбрасываю кулак вперед. Короткий правый хук, жесткий контакт с носом.
 Почти сразу понимаю что-то не так. Не тот рост, не тот запах.

— Черт... — голос знакомый, приглушенный болью. — Ты охренела?

Я застываю, как вкопанная. Передо мной стоит Туземский и зажимая нос, а из-под пальцев сочится алая ниточка крови. Ка-пец...

Глава 9. Артем

Как придурок стою и жду, пока Снежинка соизволит выйти. А она, такое ощущение, ждет пока я свалю. И кто из нас упрямее?

Саша сдается первой и все же покидает актовый зал, тихо прикрывая за собой дверь. Последней! Спина прямая, шаг быстрый, будто пытается сбежать. Ну уж нет, устремляюсь за ней.

Из тени возле спортзала выныривает Берестов и что-то говорит Саше. Какого... Один раз мы ему уже объясняли, как нужно вести себя с девушками, судя по всему, не дошло. Ну ничего, я не обломаюсь пообщаться еще раз.

Декабрева сбегает, а я оказываюсь рядом с Антоном и блокирую ему путь. Он пытается наехать, но, увидев меня, быстро сдувается. Слишком много неприятных последствий может для него случиться.

— Это моя девочка, — цежу сквозь зубы. — Даже не смотри в ее сторону.

Он что-то бурчит и ретируется, а я догоняю Сашу. надо объяснить, что в этом корпусе по вечерам лучше не ходить одной. Вижу ее спину на лестнице и торопливо спускаюсь. Почти догоняю, а она резко разворачивается. Ее кулак летит вперед с такой силой и скоростью, что я не успеваю среагировать и увернуться. Острая, оглушительная боль взрывает-

ся в носу, в ушах появляется звон, а теплая, соленая жидкость течет по губам и подбородку.

— Твою мать! — вырывается у меня, я хватаюсь за лицо.
— Ты охренела?

Она стоит, окаменев, ее кулак все еще сжат, но глаза огромные, полные ужаса.

— Я думала, это он, шел сзади так тихо... Как я должна была знать?

— Оглянуться, может? — шиплю я, пытаюсь зажать нос. Кровь просачивается сквозь пальцы, капает на бетон. — Нет, конечно, проще дать в лицо!

— А не надо подкрадываться, — вспыхивает она, и страх в ее глазах сменяется знакомым гневом. — Это случайно не ты все подстроил? Сначала этот тип, а потом ты такой героический спаситель? Очень удобно!

Боль и злость вскипают во мне. Я отнимаю окровавленную руку.

— Да, я подстроил, — саркастически выкрикиваю я. — Специально напоил Берестова, чтобы он пристал к тебе, а потом высчитал траекторию твоего кулака, чтобы подставить нос. Я злой гений, Декабрева, просто прими это.

Она сжимает губы, но не отступает.

— А выступление? Спонсор? Это все тоже просто так, случайно? Ты думаешь, я дура?

— Думаю, ты параноик! — огрызаюсь я, но боль заставляет сморщиться. Я прижимаю салфетку, которую инстинк-

тивно достаю из кармана. — Я дал деньги, потому что мне... да твою мать!

Я не могу договорить, от злости и боли голова кружится. Кровь не останавливается. Прислоняюсь к стене и закрываю глаза. Наступает тишина, нарушаемая только моим тяжелым дыханием. Потом я слышу шаги, Саша подходит ближе.

— Дай я посмотрю, — ее голос звучит тише, без прежней колкости.

— Не надо, — бурчу я, но рука уже слабеет.

Саша аккуратно, но твердо отводит мою руку в сторону. Ее пальцы холодные, но очень нежные. Она внимательно, с каким-то медицинским интересом, осматривает мой нос.

— Кажется, не сломан, — заключает неуверенно. — Но сильный ушиб. Зажми крепче вот здесь, — показывает, где надавить. — И наклонись вперед, а не назад.

Я послушно выполняю, чувствуя себя полным дураком. Она копается в своей сумке и достает влажную антибактериальную салфетку.

— Лицо в крови, — коротко поясняет и, не дожидаясь согласия, начинает вытирать мне щеку и подбородок. Движения резкие, деловитые, но не грубые. — Что ты вообще тут делал?

— Тебя проводить хотел. Поздно уже и не безопасно.

Она замирает на секунду, потом продолжает вытирать. Уголок ее рта дергается. Снова не улыбка, но хотя бы не презрение.

— Ты и есть главная опасность здесь, — говорит уже без прежней жесткости и отступает на шаг, оценивая свою работу.

— Я рад, что ты со мной разговариваешь, — говорю тихо и предано заглядываю в глаза. — Даже если... ценой моего носа.

— Ты правда не подстроил все это?

— Клянусь. Я правда хотел проводить, чтобы ты не думала, что я совсем уж мудака.

— Пока статистика очень спорная, Туземский, — хмыкает Саша. — Все. Кровь вроде остановилась. Приложи что-нибудь холодное, когда придешь домой, а мне пора.

Саша поворачивается, чтобы уйти.

— Эй, — останавливаю ее, а голос звучит хрипло из-за отека. — А заяц-то мне идет?

Она оборачивается, и на ее лице на долю секунды мелькает что-то похожее на усмешку.

— Идет. Как корове седло.

И, прежде чем я успеваю что-то ответить, быстро спускается вниз, растворяясь в темноте лестничного пролета. Я остаюсь стоять, прижимая окровавленную салфетку к распухшему носу. Больно и унижительно, завтра еще фингал появится и придется ходить в очках. Но все это лишь издержки на пути к цели.

Спускаюсь вниз, натягиваю капюшон, чтобы спрятать свое разбитое лицо от возможных зевак. Декабрева стоит

у выхода, застегивает пуховик и бросает нерешительный взгляд в темную пасть переулка за дверь.

Инстинкт, тупой и непреодолимый, срабатывает раньше мысли.

— Подвезти, — говорю я, подходя ближе. Голос все еще звучит гнусаво. — Машина рядом. Без дурацких подкатов, честно.

Она медленно поворачивается, изучает мое лицо, распухший нос, синяк, который уже намечается, в глазах мелькает тень того самого чувства, из-за которого только что вытирала мне кровь. Вины? Ответственности? Сложно сказать.

— Спасибо, но я прогуляюсь. Я... люблю гулять. Особенно вечером, когда тихо. Это помогает привести мысли в порядок.

Снова пытается сбежать, а у меня в голове сталкиваются два простых варианта: закатить глаза, сесть в теплую машину и поехать домой, ругая на чем свет стоит Пашку и его идиотский спор или сделать что-то совершенно идиотское и не свойственное мне.

Мой мозг, затуманенный болью и остатками адреналина, неожиданно выбирает второй вариант.

— Ну ладно, — вздыхаю снисходительно. — Тогда гуляй. А я... — делаю шаг к ней. — Я тоже внезапно проникся любовью к вечерним прогулкам. Да и мысли мои в полнейшем беспорядке.

Саша застывает на месте и смотрит на меня с немым во-

просом. Я прохожу мимо и оборачиваюсь к ней.

— Что? Ты же не запретишь мне идти по той же улице в том же направлении? Это же общественное пространство.

Морозный воздух обжигает горячее лицо. Где-то в глубине сознания я мысленно шлю на голову Павла всевозможные проклятья за этот дурацкий спор, но ноги уже несут меня вперед по тротуару. Я не оборачиваюсь, но слышу легкие шаги Саши сзади. Сначала отдаленные, нерешительные, а потом она догоняет и идет рядом, на почтительном расстоянии, уткнувшись носом в шарф. Мы идем молча, только хруст снега слышен под ногами и далекий гул города.

Это самое нелепое, самое тихое и самое странное свидание в моей жизни. Если это, конечно, можно назвать свиданием. Что, черт возьми, я вообще делаю? Но развернуться и уйти уже невозможно. Это было бы поражением. А я..., кажется, забыл, ради чего вообще нужно было побеждать.

Мы доходим до знакомого поворота к ее общаге. Саша останавливается.

— Ну все, дальше не надо, — говорит она, не глядя на меня. Потом все же поднимает глаза. — Спасибо. За... компанию.

— Не за что, — пытаюсь улыбнуться, но выходит как-то криво.

Декабрева кивает и быстро сбегает в общагу, а я разворачиваюсь и плетусь к своей машине, оставленной у института. Нос болит адски, синяк завтра будет знатный. Парни будут

ржать до слез, но на губах, против воли, играет какая-то дурацкая улыбка.

Достижение, млять. Серая мышь, на которую я поспорил, только что повела меня на поводке через полгорода. И самое странное, мне почему-то не так уж противно.

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Милы Любимой

Ред Флаг под Новый год <https://litnet.com/shrt/RPnq>

Глава 10. Александра

Общага ночью звучит всегда одинаково, как огромный, сонный механизм: скрип полов, глухие шаги в коридоре, приглушенные взрывы смеха за стенкой и чайник в кухне, который закипает со звуком, похожим на приближение поезда. Этот привычный шумовой фон обычно успокаивает, но сегодня он словно в другой тональности.

На секунду замираю перед знакомой дверью, прислушиваясь к тихому бульканью собственных мыслей. Это был самый странный вечер за последнее время. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь во весь рот, и тут же, с силой, гашу эту глупую улыбку, будто щелкая себя по носу.

«Так все, соберись, Декабрева», — шепчу я про себя и вхожу в комнату.

Здесь мягкий свет настольной лампы и запах лака для ногтей. Катя опять сидит на полу, склонившись над собственными пальцами, Аня развалилась на стуле с учебником. Я захожу, тихо прикрываю дверь и только тогда позволяю себе глубокий, уставший выдох.

— О-о-о, — тянет Катя, даже не поворачивая головы. — Кто это у нас явился? Вся такая задумчивая...

— Если она сейчас скажет «устала, нет сил рассказывать», я придушу ее своей подушкой, — безжалостно добавляет Аня, откладывая учебник.

Я медленно снимаю куртку, вешаю ее с такой тщательностью, будто это ценный экспонат, и только потом плюхаюсь на свою кровать. Пружины привычно скрипят.

— Он... — начинаю я и тут же обрываюсь, уставившись в потолок.

Катя резко поворачивается, и ее глаза загораются азартом охотника, почуявшего дичь.

— Ты уже сказала «он»? Все, точка невозврата пройдена. Выкладывай давай, с начала и до конца. Прямо с «жили-были».

— Да нечего выкладывать особо, — пытаюсь я отмахнуться, закрывая глаза, но звучит это уже как откровенная ложь. — Просто... Туземский. Он... оказался не таким.

Аня мягко улыбается.

— Ты сейчас это произнесла с такой интонацией, будто тебе срочно нужно найти себе оправдание.

В комнате повисает пауза. Я вздыхаю и выдавливаю, глядя в потолок:

— Ой, девочки, я ему нос разбила.

Эффект превосходит все ожидания. Катя роняет пилочку, Аня подскакивает на стуле.

— В смысле разбила?

— Как? Он к тебе приставал? Что случилось?

— Да не-е-ет, — машу я рукой, чувствуя, как жар поднимается к щекам. — Он не приставал. Он... просто под руку попался. В прямом смысле.

— Ты что, издеваешься? — Катя придвигается ближе. — Давай рассказывай в подробностях и красок добавь.

И я рассказываю. Про хриплый голос в темноте, про тяжелые шаги сзади, про белый шум в голове и короткий, жесткий удар. Про кровь на его пальцах, на бетоне, про то, что глаза у меня в тот момент, наверное, были размером с блюдца.

Катя медленно, с театральной паузой, кладет на тумбочку пузырек с лаком.

— Стоп, перемотай назад, я уточню. Ты его ударила. В лицо. А он даже не орал?

— Не орал... ну если только выругался абстрактно.

— И не хамил, не кричал что-то вроде «да я тебя...»?

— Нет. Поинтересовался не охренела ли я.

— А потом? — вступает Аня, подперев подбородок ладонями.

— А что потом? Потом я помогла ему остановить кровь. Не бросать же в такой ситуации. Ну и пошла домой.

— И он тебя не проводил даже? — Катя хлопает себя по лбу. — Вот же козел. И романтики ноль.
— Он... предлагал подвезти, — признаюсь я, глядя куда-то в угол. — Я отказалась.

— С ума сошла? Зачем отказываться? Темно же уже, — восклицает Катя. — Тот тип еще мог где-то шастать.

— Странно, — задумчиво говорит Аня. — На Туза не похоже, он бы настоял. Парни в нашей компании вообще к это-

му очень жестко относятся.

— Да он, наверное, боится теперь нашу Сашку как огня, — смеется Катя. — Не каждый день ему девушки морду разукрашивают. Новый опыт как никак.

— Ну не зна-а-аю... — скептически тянет Аня. — Так себе мужской поступок.

— Да чего вы разошлись? — пытаюсь взять ситуацию под контроль, но голос звучит слабо. — Все нормально. Я... шла под присмотром.

В комнате воцаряется мертвая тишина.

— А-га, — медленно, по слогам, произносит Катя. — Значит, все-таки проводил?

Я чувствую, как горит лицо. Спасает только полумрак.

— Ну... он просто шел рядом. До общаги.

— И все? — не унимается Аня.

— И все. Мы просто шли. Молча.

— Ой, я не могу, — Катя валится на спину и стучит пятками по полу. — Саша! Просто шел рядом... Это так романтично. Молчаливое сопровождение раненого рыцаря. Ты слышишь себя?

— Артем просто шел, а Саша просто влюбилась, — подпевает Аня, и в ее голосе нет злобы, только доброе, веселое подначивание.

— Растаяла, значит, наша Снежная Королева, — вздыхает Катя с преувеличенной грустью. — Вот значит, чего тебе не хватало... кровищи!

— Ничего я не растаяла, — протестую я, но мой голос звучит как-то неубедительно даже для меня самой. — Просто Туз сегодня был... другим.

Я закрываю глаза и перед внутренним взором возникает не его привычная, наглая ухмылка, не бархатный голос с тупыми подкатами, а совсем другой Артем. Я вижу зайца, огромного, нелепого, с ушами, которые предательски заваливаются набок. И его растерянного внутри. Совершенно не героя блокбастера, а скорее, жертву абсурдной ситуации.

— Он сегодня был... смешной, — вырывается у меня признание, будто я проговариваю что-то неприличное. — Я ему нос разбила, а он... растерялся. Пришлось оказывать первую помощь.

Аня тихо смеется, и этот смех похож на звон хрустального колокольчика:

— Ну прям ми-ми-ми. До слез.

Я переворачиваюсь на бок и утыкаюсь лицом в прохладную наволочку, пытаюсь скрыть предательскую улыбку, которая снова пытается прорваться наружу.

— Это все равно ничего не значит, — говорю я в подушку. — Артем может играть. Или... я не знаю. Но если и правда я ошиблась, и не было никакого спора... — я замолкаю, и тишина в комнате становится густой. — Тогда он не совсем тот, за кого себя выдавал все это время. И это... не менее странно.

Катя закатывает глаза так выразительно, что, кажется, это

должно быть слышно.

— Поздравляю. Ты не просто разбила ему нос, а еще и влюбилась. В недобитого тобой зайца.

— Я не влюбилась, — бурчу я, но мои протесты тонут в их дружном, теплом хоре:

— Ага! Мы так и поняли.

— Конечно-конечно.

И я уже не спорю. Потому что бессмысленно. Потому что где-то глубоко внутри, под слоем логики, недоверия и принципов, уже поселилось странное, щекочущее душу чувство.

Мне хочется снова увидеть Артема нелепым и сбитым с толку. Словно только в эти моменты он настоящий, а не идеальный, отлакированный мажор с вечной ухмылкой на губах.

И это пугает и смущает меня гораздо сильнее, чем вся его прежняя наглая самоуверенность.

Телефон вибрирует в кармане, извещая о входящем сообщении. Достаяю и смотрю на экран. Номер незнакомый, но видно первое слово из текста: «Снежинка...»

Что-то мне подсказывает, я знаю, кто автор послания...

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Энни Дайвер

ЗОЛУШКА, ТЫ ПОПАЛАСЬ <https://litnet.com/shrt/4ESj>

Глава 11. Артем

Двигатель приятно мурлыкает, но в такт ему стучит что-то другое, горячее и торжествующее где-то под ребрами. Маленькая победа над Снежинкой пьянит. Нос пульсирует тупой, ноющей болью, а я ловлю себя на том, что улыбаюсь, и морщась от резкого движения, тут же стираю эту глупую ухмылку.

Но от мыслей не отвертеться. Декабрева клюнула на мой подкат. Всего-то надо было пожертвовать собственным фейсом. Естественно, все это не было подстроено заранее, но сработало на отлично. Саша не послала меня, а помогла остановить кровь и даже позволила проводить ее до общаги.

Но самое дикое то, что она мне реально нравится. Не как трофей для спора, а просто... как девушка. Прикольная, колючая и необычная. Не такая, как все. Такой сочный контраст после череды одинаковых на все согласных девушек.

Черт, если бы не этот идиотский спор... я бы, наверное, и правда замутил с ней по-честному. Но теперь уже поздно, я обязан выигрывать и пора ускоряться. До Нового года рукой подать.

Я сворачиваю в сторону спорт-бара, где должны быть пацаны, но руки уже сами тянутся к телефону, лежащему на пассажирском сиденье. Останавливаюсь на светофоре и быстро набираю сообщение Декабровой, благо узнать номер

труда не составило.

Я: Снежинка, я требую компенсацию за разбитый нос.

Отправляю и жду, глядя на экран. Секундная пауза и три точки показывают, что она печатает ответ.

Саша: Да? И какую же?

Сердце екает глупо и радостно. Набираю ответ, стараясь, чтобы слог был легким, без нажима.

Я: Сходи со мной куда-нибудь? Проведем время вместе. Вдруг тебе понравится?

Саша: Не обольщайся. Куда?

Улыбка расплзается по лицу снова, уже не сдержать. Она торгуется! Это уже не «нет». Новый план, не помню какой по счету, формируется мгновенно.

Я: На каток.

Саша: Я не умею кататься на коньках.

Я: Отлично, я научу.

Пауза. Длинная. Светофор уже давно зеленый, машина сзади нервно сигналит. Я трогаюсь и снова бросаю взгляд на экран.

Саша: Ну хорошо. Только в качестве компенсации

Я сжимаю кулак и тихо, но с чувством, выдыхаю: «Yes!»
Все получилось, осталось только дожать и теперь уж ей от меня не отвертеться.

Сворачиваю на парковку у спорт-бара, чувствуя себя так, будто только что выиграл гонку «Формулы-1». Снежинка согласилась на свидание, пусть и под соусом «компенсации»,

какая нахрен разница?

Вхожу внутрь, и привычный гул, запах пива и жареных крыльев обволакивает меня. В дальнем углу, у большого экрана, наши ребята. Пашка, Тих, Раф, Янис. Подхожу, скидываю куртку и плюхаюсь на лавку напротив, откидываюсь на спинку.

И тут понимаю, что все четверо смотрят на меня. Не просто смотрят, а пялятся и молчат. Тишина такая густая, что даже шум бара кажется фоновой музыкой к этому немому кино.

— Че уставились-то? — хмыкаю я, но голос из-за забитого носа звучит комично гнусаво.

— Фига ты красавчик, — невозмутимо констатирует Тихомир, делая глоток из высокого бокала.

— Кто тебя так смачно? — присоединяется Рафаэль. — Подрался?

— Помощь нужна? — осторожно спрашивает Янис. — Только скажи кому навалать.

— Это моя Снежинка втащила, — говорю небрежно и делаю вид, что изучаю меню.

На секунду снова воцаряется тишина, а потом парней накрывает волна хохота. Пашка бьет кулаком по столу, Раф давится колой, а Тих едва не падает на пол, держась за живот.

— Так хочешь выиграть спор, что износ замутил? — сквозь слезы выдавливают Пашка. — Братан, это новый уровень! Маньячный подкат!

— Дурак что ли? — качаю головой я, но уголки губ сами ползут вверх. — Случайно вышло. Но главное не это.

— А что? — перестает смеяться Пашка, его взгляд становится цепким, азартным.

— А то, что благодаря этому носу, мы завтра идем на свидание, — объявляю я, и в голосе слышится та самая, привычная самоуверенность, которая, кажется, только сейчас ко мне вернулась.

— Да ладно! — не верит Пашка.

— Готовь мой подарок. Завтра все будет, — важно сообщаю я.

— Парни, хорош, — хмурится Раф, его лицо становится серьезным. — Говно идея. Подурачились и хватит. Это уже не смешно.

— Согласен, — тихо, но четко говорит Тихомир, отодвигая от себя стакан. — Пора завязывать с этой дурацкой авантюрой.

Их слова падают в мою эйфорию, тяжелой плитой, но Пашка уже не отступит.

— Ну уж нет! — скалится он. — Никто Туза за язык не тянул. Ставки сделаны, условия оговорены. Тем, ты сам согласился. Или ты хочешь отступить?

Все смотрят на меня. Раф с укором, Тих с холодной оценкой, Янис с неловкостью, Пашка с вызовом.

— Я и не отказываюсь, — пожимаю я плечами, хотя внутри что-то неприятно екает. Идея и правда нравится мне все

меньше. Но обратной дороги нет. — Завтра я выиграю спор.

Вечер заканчивается вполсилы. Ребята расходятся, я приежаю в свою пустую, слишком просторную квартиру. Включаю свет в прихожей и невольно ловлю свое отражение в большом зеркале.

Ну и вид. Синяк пышно расцвел, растекаясь от переносицы темно-лиловыми разводами под глаза. Нос распух, лицо перекошено. Я выгляжу как боксер-неудачник после жесткого нокаута.

Ну огонь... Туз, ты красавчик, блин.

Подхожу ближе, щупаю отекавшее место. Больно, но где-то под этим синяком, живет предвкушение завтрашнего дня. Снежинка, которая не умеет кататься и будет держаться за мою руку.

Отворачиваюсь от зеркала. Ладно, Туземский, ради победы... придется проиграть немножко себе.

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Наргизы Огненной

Зимние узоры любви <https://litnet.com/shrt/Mdb1>

Глава 12. Александра

Каток встречает холодным, хрустальным воздухом и светом — ярким, праздничным, даже каким-то радостным. Музыка льется из динамиков, смешиваясь с визгом полозьев и взрывами смеха. Кто-то падает с хохотом, кто-то лихо выписывает виражи. Жизнь здесь кажется простой и понятной: держись на ногах и все будет хорошо. А я смотрю на лед с тихим ужасом человека, который знает, что равновесие — вещь зыбкая.

Туземского я замечаю сразу. Высокий силуэт у проката, небрежно прислонившийся к стойке. Стоит, засунув руки в карманы дорогой куртки, и выглядит... странно. Только подойдя ближе, я понимаю причину. Фингалы под обоими глазами. Свежие, еще не до конца оформившиеся, цвета спелой сливы с желтыми краями. И нос слегка распухший.

— Привет, — говорю я, и мое сердце почему-то делает глупый прыжок. — Ты... э-э...

— Да, — перебивает он с лукавой, но все-таки ухмылкой. — Это все еще я. Артем Туземский в обновленной, боевой комплектации. Заступился за девушку, вступил в неравный бой... ну, ты и сама знаешь.

На мгновение мне кажется, что он говорит серьезно, а потом доходит смысл и улыбка сама по себе появляется на губах.

— Дурак... — качаю головой. — Я же говорила холод прикладывать.

— Прикладывал, честное слово, — вздыхает он так театрально, что я не верю ни единому слову. — Но, кажется, мой нос воспринял это как личное оскорбление и послал меня нахрен.

Я фыркаю и отворачиваюсь к стойке, чтобы он не увидел, как мои губы предательски дергаются в усмешке. Это жестоко смеяться над ним, но Артем выглядит так глупо и мило одновременно, что сдержаться невозможно.

— Больно? — спрашиваю, когда возвращаюсь с парой коньков.

— Терпимо, — пожимает он плечами. — Ради великой цели можно и пострадать.

— Какой еще цели? — поднимаю я бровь, разглядывая лезвия.

— Обучить тебя катанию, — заявляет с пафосной серьезностью и протягивает руку за коньками. — Давай

- Нет уж, я сама. - Вздергиваю подбородок и важно сажусь на холодную деревянную скамейку.

Лед — это не моя территория. Я предпочитаю твердую землю, асфальт, татами, что-то предсказуемое и устойчивое, а не вот это вот все...

— Сразу предупреждаю, — говорю я, с усилием стягивая свой теплый ботинок. — Если я упаду и сломаю себе что-нибудь ценное, ты будешь в ответе. Пожизненно.

— Приму эту почетную ношу с достоинством, — торжественно кивает Артем.

Я пытаюсь сама справиться с противными шнурками, но пальцы в толстых перчатках становятся неуклюжими сосисками. Он некоторое время молча наблюдает, а потом, без лишних слов, присаживается передо мной на корточки.

— Давай, — говорит спокойно. — Я помогу.

— Я и сама бы справлюсь, — автоматически бормочу я, но протест звучит вяло.

— Я знаю, — хмыкает он и его губы расплываются в такой кошачьей улыбке, что внутри становится щекотно. — Но так будет быстрее. И, что важнее, безопаснее. Для всех окружающих, включая меня.

Туз аккуратно берет мой конек, и его пальцы ловкие, теплые даже через перчатки, уверенно затягивают шнурки. Не туго, но плотно. Я вдруг слишком остро осознаю его близость, его сконцентрированность на этом простом действии. Смотрю не на сверкающий лед, не на мелькающие фигуры, а на руки Артема и на тень длинных ресниц, падающую на синяки.

— Ты часто катаешься? — спрашиваю, чтобы разрядить тишину, которая внезапно стала слишком плотной.

— Раньше, в детстве, постоянно, — пожимает он плечами, переходя ко второму коньку. — Потом как-то... вырос. Поменял коньки на барабанные палочки и руль. А ты почему не умеешь?

— У меня с гравитацией и равновесием всегда были... сложные, полные драмы отношения, — признаюсь я.

Туз усмехается, завязывает последний узел и поднимает на меня взгляд снизу вверх. Синяки под глазами никуда не делись, но сейчас они не уродуют его лицо, а делают его... человечнее и уязвимее.

— Ничего, — в его глазах мелькает та самая искра, но без привычной дерзости. — Я буду рядом.

Он встает и протягивает мне ладонь, а я осторожно вкладываю в нее свою.

Каток пахнет по-особенному, морозом, сладкой ватой и чем-то чистым, металлическим, а еще льдом и сталью лезвий. Музыка играет негромко, лампочки над площадкой мигают разноцветно, будто подмигивают лично мне, подбадривая.

Стою у бортика, вцепившись в него так, будто это последний оплот цивилизации перед хаотичной бездной льда.

— Я сразу предупреждала, — мой голос звучит чуть выше обычного. — Я не умею. Вообще.

— Ты уже стоишь, — спокойно констатирует Артем. — В коньках и на льду. Это пятьдесят процентов успеха. Осталось только отпустить бортик.

Он рядом, слишком близко. Его дыхание вырывается белыми, пушистыми клубами, и я почему-то заворуженно смотрю на этот пар, а не на смертельно скользкую поверхность под ногами.

— Только не отпускай, — прошу я, и звучит это умоляюще.

— Я и не собираюсь, — легко обещает Туземский. Приходится поверить.

Он берет меня за руку, его ладонь теплая, твердая, уверенная. Я делаю первый, робкий шаг от борта и тут же понимаю, что совершила фатальную ошибку. Опоры нет. Нога предательски уезжает вперед, мир резко наклоняется, и из моей груди вырывается короткий, испуганный вскрик. Но вместо жесткой встречи со льдом я падаю в крепкие мужские руки. Артем ловит меня, резко и надежно притягивая к себе, гася инерцию своим телом.

Мы замираем. Все слишком быстро и близко. Чувствую под щекой грубую ткань его куртки, стук его сердца или это мое? Рука Туземского уверенно лежит у меня на талии, моя ладонь прижата к его груди. Мы дышим часто, и наши дыхания смешиваются в одно облако пара.

— Живая? — тихо спрашивает он, и его голос звучит прямо над моим ухом, густой и с легкой хрипотцой.

— Пока да, — выдыхаю я, не в силах пошевелиться. — Но статистика не в мою пользу.

Наглый мажор лишь улыбается.

— Смотри на меня, — его голос становится тише, интимнее. — Не на лед и не на других, только на меня. Я твоя точка притяжения.

Медленно, преодолевая головокружение, я поднимаю гла-

за и встречаюсь с его глазами. Серыми, сосредоточенными, с золотистыми искорками в бликах от гирлянд.

И вот тут становится по-настоящему опасно. Потому что все вокруг стихает, превращаясь в далекий гул. Потому что Артем слишком близко, и я вижу каждую ресницу, каждую трещинку на его слегка потрескавшихся от холода губах. Потому что его большой палец начинает медленно, почти неуловимо водить по моей ладони, зажатой в его руке, и от этого простого прикосновения по спине бегут мурашки.

Мы снова застываем. Лед под ногами перестает существовать. Есть только его взгляд, тяжелый и теплый, и невероятное, магнетическое притяжение, которое сводит наши лица все ближе. Я чувствую его дыхание на своих губах, холодных от мороза, оно обещает тепло

— Артем... — выдыхаю я, и мой шепот теряется в пространстве между нашими лицами.

— Да? — он отвечает так же тихо, едва шевеля губами.

— Только... осторожно.

— С чем?

Я смотрю на его сине-фиолетовые фингалы, на его все еще припухший нос, и не выдерживаю:

— С носом. Он у тебя сейчас... в зоне повышенного риска.

Туз замирает на миг, а потом из его груди вырывается тихий, сдавленный смех. Вибрация этого звука проходит сквозь куртки и отзывается теплым эхом у меня в груди. Я

отступаю первой, теряя остатки равновесия, а Туз снова ловит меня, не давая шлепнуться на лед.

— Я все еще не умею кататься, — констатирую я, чувствуя, как жар расходится по щекам.

— Ничего, — говорит он, все еще придерживая меня за локоть. — Сейчас научишься.

Лед под коньками тихо поскрипывает, музыка снова набирает громкость, и мир, который сузился до точки на губах мажора, снова разворачивается во всю ширь. Артем первым отталкивается и плавно тянет меня за собой, не рывком, а уверенным движением, давая почувствовать ритм.

— Давай по кругу, — говорит спокойно. — Медленно. Не бойся, я не отпущу.

Киваю, хотя внутри все еще мелко дрожит от коктейля из адреналина, страха и этой невероятной близости. Но мы едем.

Точнее, он едет, а я больше парю, держась за его руку и чувствую себя почти птицей.

— Ты молодец, — говорит Туз и неуклюже подмигивает.

— Мне так страшно, — честно признаюсь. — До трясучки.

Он снова смеется, и от этого звука что-то отпускает в груди. Мы делаем круг, потом второй. Я вдруг ловлю себя на том, что смеюсь тоже, громко и звонко, не оглядываясь на других. В какой-то момент пальцы Туза разжимаются, и моя рука остается в пустоте.

— Эй! — возмущенно восклицаю я, тут же начав заваливаться на бок.

— Проверяю, — отвечает он, катясь рядом спиной вперед и с легкостью балансируя. — Ты справишься.

Упрямо стискиваю зубы и... я справляюсь. Неровно, криво, как новорожденный жираф на коньках, но я еду сама. Сердце колотится где-то в горле, щеки горят, а внутри чистая, детская, победоносная радость. Получилось!

— Я еду! — кричу на весь каток.

— Вижу! — довольно улыбается Артем. — Я прирожденный инструктор по фигурному катанию.

— Ты прирожденный нарцисс, — смеюсь я, теряю равновесие и падаю, но не в пустоту, а прямо в его заранее подставленные объятия.

— Устала? — спрашивает Туз, поправляя мою шапку.

— С непривычки ноги болят, — признаюсь я.

— Давай закругляться, а то завтра вообще не встанешь.

Артем тянет меня за собой туда, где остались наши вещи. Переобуваемся и выходим с катка. В общем, можно попроситься и разойтись, но что-то не дает мне это сделать. Вечер такой приятный и позитивный, что не хочется, чтобы он заканчивался.

— Пойдем к машине, я отвезу тебя в общагу.

«И все?» — хочется возмутиться мне. — «Даже никакого подката?»

Но вслух я не произношу ничего и послушно иду к маши-

не.

— А как же поупираться? — подозрительно спрашивает Артем, открывая для меня дверь своего монстра.

— А смысл? — пожимаю плечами и забираюсь в салон.

Он садится за руль и заводит двигатель. Машина трогается с места, а я растираю озябшие ладони.

— Замерзла? — Туземский замечает мой жест.

— Есть немного...

— Предлагаю заехать в одно место и попить горячий чай с медом. Чтобы согреться.

Его предложение звучит вполне безобидно, но все же чувствуется подвох.

— А потом? — подозрительно прищуриваюсь я.

— Потом отвезу тебя домой. Честное слово.

Я колеблюсь секунду, глядя на его профиль, освещенный фонарями. Потом киваю. Ладно, что может случиться за чашкой чая?

Как вы уже знаете, книга участвует в Литмобе "(Не) идеальный новый год". Сегодня я хочу порекомендовать вам книгу Филиппы Фелье

Мажор в подарок <https://litnet.com/shrt/JhpM>

Глава 13. Артем

В салоне тихо, слышно только мягкий рок из динамиков и шум мотора. Саша сидит рядом, молча, растирая озябшие руки. Мои планы плетутся как идеальная паутина. Все идет по сценарию, даже лучше. Каток сработал на отлично. Она смеялась, держалась за мою руку, а тот момент на льду, когда наши лица были в сантиметре друг от друга... Черт, это было что-то пронзительное.

Но сейчас мой финальный акт. Быстрая и элегантная победа. До Нового года еще далеко, но зачем тянуть? Я сворачиваю в знакомый район, к своему ЖК. Высокие темные силуэты новостроек вырисовываются в ночи.

— И где мы? — голос Снежинки звучит напряженно, она уже приглядывается к незнакомым фасадам. — Ты куда меня привез?

— К себе домой, — беспечно бросаю я, паркуюсь у подъезда и глушу двигатель. — Пойдем. Там и чай найдется.

В салоне наступает мертвая тишина. Я чувствую, как взгляд Саши буравит мой профиль.

— И не подумаю, — говорит она четко, складывая руки на груди, изображая защитную позу. — Вези меня в общагу. Сейчас же.

Я поворачиваюсь к ней и делаю самое невинное лицо.

— И не подумаю, — передразниваю ее тон. — Ты обещала

попить со мной чаю. Девушка слова должна держать.

— А ты обещал отвезти меня в «одно место» и чай с медом, — парирует она, и в ее глазах уже не лед, а огонь. Обиды и предательства.

— Так я и привез, — пожимаю плечами, разводя руки. — Чай и мед там есть. Все честно.

— К себе домой? — она повышает голос, и в нем слышится не только злость, но и... разочарование. — Это что, еще один твой тупой подкат?

— Да какой нахрен подкат, — закатываю глаза. — Куда я с таким фейсом то еще?

Она лишь фыркает и демонстративно отворачивается к окну.

— Да ладно, чего ты испугалась? — говорю я вкрадчиво. — Просто чай поьем, реально с медом. Согреемся и поедем.

— И ничего я не пугалась, — бросает напряженно Саша.

— Ага, я и смотрю, дрожишь вся.

— Это от холода! — выдыхает она, но отмазка слабая, в машине-то тепло.

Пора вскрывать карты. Делаю вид, что сдаюсь, с легким вздохом разочарования.

— Пошли, трусиха, — открываю свою дверь. — Не буду я к тебе приставать. Честное слово.

Встаю на улицу, холодный воздух бьет в лицо. Саша не двигается.

— Обещаешь? — ее голос доносится из салона.

— Клянусь, — говорю я, закидывая руку за спину и на всякий случай скрещая пальцы. Старая детская привычка. На удачу.

Секунда, другая... и Снежинка медленно выходит из машины. Нехотя. Смотрит на подъезд, потом на меня, с таким недоверием, будто я веду ее в логово маньяка.

— Если что, ты меня знаешь. Рука не дрогнет. Да и нога тоже, — бормочет она себе под нос. — И ненадолго.

— Ненадолго, — киваю я, уже открывая дверь в парадную. «Достаточно надолго», — усмехаюсь про себя.

Мы поднимаемся на лифте. Саша стоит ко мне почти спиной, сжавшись в комок. Лифт гудит. Я достаю телефон и на ходу отправляю Пашке сообщение: «Готовься. Сейчас мы со Снежинкой придем. Смотри камеру в холле».

Ответ приходит мгновенно: «Ты гений. Или мудак. Не решил еще».

Я усмехаюсь про себя и прячу телефон в карман. Двери лифта открываются на моем этаже. Выхожу первым, веду Сашу по коридору к своей двери. Все чисто, тихо. Почти идеально.

— Ну, добро пожаловать в мое скромное жилище, — говорю я, вставляя ключ и распахивая дверь. Включаю свет. Большая гостиная, минималистичный интерьер, панорамное окно с видом на ночной город. Я знаю, что это производит впечатление. Пусть наслаждается.

Снежинка переступает порог медленно, оглядываясь. Не восхищенно, а оценивающе, как разведчик на вражеской территории.

— Раздевайся, располагайся, — говорю небрежно, скидывая куртку на барную стойку. — Я чайник поставлю. Мед вон там, в шкафчике.

Она стоит посреди комнаты, не двигаясь. Ее взгляд скользит по дивану, по огромному телевизору, по стойке с барабанной установкой в углу. Потом возвращается ко мне.

— Ты и правда не собирался отвезить меня домой, да? — спрашивает она.

Я поворачиваюсь к ней, опираясь о кухонный остров, и пожимаю плечами.

— Саш, ну посмотри на меня, — указываю я на свои фингалы. — Я в таком виде похож на человека, который строит коварные планы? Я просто устал. И хотел нормально, по-человечески, посидеть с тобой. Без этих дурацких игр в кошки-мышки. Обещаю.

Она смотрит на меня долго. Потом, наконец, отводит взгляд и медленно расстегивает пуховик. Сдалась наконец! Можно записать себе маленькую победу.

Игра началась. Поворачиваюсь к чайнику, чтобы скрыть торжествующую ухмылку. Пашка все видел по камерам, а завтра отдаст свой подарок. Все идет по плану.

Только почему-то эта мысль не греет так, как должна бы. Чайник закипает с глухим шипением. Я насыпаю в две

стеклянные кружки заварку, кладу ложку меда в нее. Все делаю на автомате, а сам чувствую присутствие Снежинки за спиной. Она не рыщет взглядом по квартире, не трогает вещи. Просто сидит на высоком барном стуле, положив руки на колени, и смотрит в окно. Такая тихая, спокойная, непривычная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.